

Н.М. Каткова

Поэтическое творчество Далай-ламы VI Цаньян Джамцо и его истолкование

Данная статья посвящена поэтическому творчеству одного из самых загадочных персонажей тибетской истории Далай-ламе VI Цаньян Джамцо. Его знаменитые стихи «Любовные песни» являются единственным в своем роде памятником светской художественной литературы в Тибете. На сегодняшний день существует множество интерпретаций поэтического творчества Цаньян Джамцо: от религиозно-мистического до политического. Но система образов лирической поэзии Далай-ламы VI строится на тибетской фольклорной традиции, что и делает его песни-стихи настолько популярными среди тибетцев.

Ключевые слова: Далай-лама VI, фольклорная традиция, лирическая поэзия, поэтическое творчество.

К началу XVIII в. тибетскую литературу составляли религиозно-философские трактаты (переводы канонических сочинений с санскрита и комментарии тибетских авторов), труды по истории Тибета, повествовательно-дидактические сочинения и агнографические произведения, посвященные главам буддийской церкви.

Тибетская литература была непосредственно связана с религиозно-дидактическими установками теократического государства, которым управляла буддийская секта Гелугпа. Эта литература игнорировала внутренний мир человека, его чувства и переживания, взаимоотношения с природой. Эти проблемы находили отражение в фольклоре, а в письменной литературе основное внимание уделялось «добрым и злым» делам, которые приближают или отдаляют человека от «нирваны» («спасения»).

В церковно-проповеднической по своему характеру официальной литературе не было памятников светской художественной прозы и поэзии. Исключением можно считать лишь лирические стихотворения Далай-ламы VI Цаньян Джамцо Tshangs dbyangs rgya mtsho (1683–1706) (Савицкий, 1983).

С момента появления на Западе опубликованных Сара Чандра Дасом (1915 г.) в приложении к «Грамматике тибетского языка» песен (mgul glu, mgur glu, gsun mgur), авторство которых приписывается Далай-ламе VI Ловзан Ринчен Цаньян Джамцо, это замечательное собрание стихов сразу же привлекло внимание не только ученых, занимавшихся историей и литературой Тибета, но и всех, кто интересовался этой загадочной личностью. Этот интерес вполне объясним, так как вся жизнь Далай-ламы VI напоминает сказку, и вряд ли можно найти еще одну фигуру в истории Тибета, столь же окутанную тайной. Его знаменитые стихи являются практически единственным источником наших представлений о внутренних противоречиях и чувствах, руководивших его действиями.

Широко известный в Центральном Тибете цикл песен — «Любовные песни» Далай-ламы VI — относится к жанру коротких песен. В.С. Дылыкова полагает, что «gtang-thung-gshad» («короткие песни») представляют собой четырех-, реже — шести- или восьмистрочные песни-стихи. Подобного рода песни пользуются наибольшей популярностью среди тибетцев (Дылыкова, 1990, с. 246).

П.К. Соренсен относит песни Цаньян Джамцо к жанру «шай»¹, самому распространенному и популярному песенному жанру в Центральном Тибете, провинциях Уй и Цзан. По мнению Намкаи Норбу Девана, песни Цаньян Джамцо составляют наиболее «активную» часть тибетского фольклора (Sorensen, 1990, p. 207).

Песни, авторство которых приписывают Цаньян Джамцо, глубоко уходят своими корнями в тибетскую фольклорную традицию, в частности творчество самого талантливого поэта Тибета Миларэпы (1040–1123) — первого представителя религиозной поэзии, нашедшей свое отражение как в устной, так и в письменной традиции (Sorensen, 1990, p. 14).

По своему содержанию поэзия Цаньян Джамцо — лирическая, обращена к конкретным чувствам и переживаниям человека. Она автопсихологична, так как образ повествователя в ней часто совпадает с образом героя, и оба они близки личности самого Цаньян Джамцо. Но автопсихологичность этой лирики, по мнению Л.С. Савицкого, не означает, что она автобиографична, так как далеко не всегда она имеет прямое отношение к тем или иным эпизодам жизни автора. Можно лишь предположить, что в некоторых стихотворениях Цаньян Джамцо упоминает реальные события (Савицкий, 1983, с. 70).

В большей части стихов Цаньян Джамцо описываются различные любовные переживания юноши: ожидание любви, встреча, раздумья о любви, постоянство в любви, гордость за любимую, опасение возмездия за грех любви, несчастная любовь, невозможность любви из-за социального неравенства, страдания разлуки, сомнения в любви, бравада любовью, непостоянство в любви, гнев в адрес уже нелюбимой, наставление об осторожном поведении среди посторонних, сожаление об излишней откровенности (Савицкий, 1983, с. 70).

Приведем одно из лучших стихотворений Цаньян Джамцо, превосходящее остальные по глубине медитативного лирического чувства ожидания любви (там же, см. 77):

Из-за восточных горных вершин
Белая ясная луна появляется,
Юной девушки лицо
[Мне] чудится, чудится.

Герой Цаньян Джамцо наконец признается в любви:

Конь-ветер [судьбы счастливой] вверху мчится,
Судьбу [счастливую] порождающий флаг водружен.
Мудрой, достойной матери дочь
На праздник [я поэтому] приглашен.

Согласно тибетской традиции взаимоотношений юноши и девушки, водружение юношей на дереве возле дома девушки флага с изображением волшебного быстрого коня, который символически олицетворял счастливую судьбу, расценивалось в Тибете как открытое признание в своих чувствах (Савицкий, 1983, с. 71).

Любовь героя Цаньян Джамцо к девушке порой бывает сильнее чувства к религиозному наставнику (там же, с. 78):

К ламе [я] святому [пришел]
[И мое] сердце вести просил.
[Все же] сердце — не повернуть,
[Снова я] к любимой стремлюсь.

¹ «Шай» (gzhas или gzas) — песни, имеющие четыре стиха (строки) по шесть слогов в каждом.

По мнению Л.С. Савицкого, в изображении любовных переживаний отсутствуют гиперболы, идеализация как самого чувства, так и влюбленных. У Цаньян Джамцо нет ничего, что так типично для восточной поэзии. Отсутствуют «уста любимой — рубины», нет «лебединой шеи», «тонкого стана», «павлиньей походки». Лирика тибетского поэта рассказывает о простой любви, искренней и бескорыстной. В этом заключается реалистичность поэзии Цаньян Джамцо (Савицкий, 1983, с. 92).

Наряду со стихотворениями любовной лирики существует группа стихов, относящихся к лирике мысли (там же, с. 78):

Когда камнем драгоценным владеем,
Камень [как] драгоценность не ценим.
Когда к другому камень драгоценный попадает,
То сердце [наше вдруг]верху сожмется.

В своем творчестве Цаньян Джамцо использует поэтические образы как людей и животных, так и явлений природы.

1. Образы людей: юноша, девушка, торговка вином, хозяйка постоянного двора, жена, охотник, лама, оракул, сановник.

2. Предметы, созданные человеком: лодка-паром, деревянная голова лошади, лук, стрела, печать.

3. Образы природы: ива, персиковое дерево, персик, яблоко, злак, лекарственные травы, камыш, планеты, земля, покрытая льдом; цветы, луна, горная вода, скалы, ветер, озеро, бирюза, драгоценный камень.

4. Реальные образы, заимствованные из буддийской литературы: павлин, море, жемчуг.

5. Мифические образы, заимствованные из буддийской литературы: ваджраносный Защитник Веры, дракон-демон, гора Меру, лунный заяц.

6. Образы животных, птиц, насекомых: волк, дикая лошадь, ястреб, орел, журавль, кукушка, дрозд, пчелы.

Система образов в лирической поэзии Цаньян Джамцо строится практически только на тибетских понятиях. Но в тибетской письменной литературе данные образы отсутствуют как в прозе, так и в поэзии, так как литература обращала внимание лишь на деяния человека, идущего по пути религиозного «спасения», а не на его «земные» чувства и переживания. Следовательно, эти образы впервые появились в письменной литературе именно благодаря поэзии Цаньян Джамцо.

Поэтические образы Цаньян Джамцо можно встретить в устном народном творчестве тибетцев, в любовных песнях. Фольклор своей формой (четыре строки по шесть слогов в каждой) и содержанием (система поэтических образов) оказал большое влияние на поэзию Цаньян Джамцо. Но в фольклоре эта система образов намного шире, Цаньян Джамцо брал из фольклора только то, что было необходимо для выражения чувств и переживаний его героя (Савицкий, 1983, с. 76–77).

По мнению В.С. Дыльковой, по своему характеру «Любовные песни» неоднородны (Дылькова, 1990, с. 251).

Некоторые песни афористичны и напоминают популярные в Тибете и Монголии «Назидательные речения» Сакья Пандиты (Савицкий, 1983, с. 78):

Лошадь, убегающую в горы,
Пути или аркан остановят;
Отвратившую свой лик возлюбленную
Никакие силы не удержат.

Есть также песни, относящиеся к буддийской тематике (там же, с. 92):

Семена дел злых и добрых
Хотя тайком посеял,
Плодов их скрыть невозможно,
Созреют те и другие.

Часть песен-четверостиший Цаньян Джамцо посвящена учению буддизма ваджраяны² (там же):

Если помыслы склонны
Только к святому учению,
То в этой одной лишь жизни
[Ты] обретешь просветление.

Цаньян Джамцо с детства был хорошо знаком с ваджраяной. Поскольку его семья принадлежала к старой школе Ньингмапа, Цаньян Джамцо проявлял особую склонность к учению этой школы, чем вызвал недовольство представителей школы Гелугпа (Дылыкова, 1990, с. 250–253).

Многие из песен по содержанию и внутреннему настрою глубоко лиричны и отражают чувства, пережитые самим автором (Савицкий, 1983, с. 92):

Из сотни деревьев
Выбрал одну иву;
Сердцевина ивы оказалась с гнилью,
Юноша про это не ведал.

Тема любви с ожиданием встреч и печалью расставаний остается главной темой песен Цаньян Джамцо (там же, с. 93):

Моя любимая девушка
Другим была взята в жены,
Оттого изболелось сердце
И вконец иссохло мое тело.

Уже став верховным духовным правителем, молодой иерарх не чуждался мирских удовольствий. Он часто бродил по садам и живописным окрестностям Поталы; нередко, облачаясь в одежды мирянина, покидал дворец и уходил в город развлекаться. Иногда Цаньян Джамцо устраивал театрализованные представления, в которых участвовал и сам, исполняя роль главного героя какой-либо романтической любовной истории. Эти стороны его жизни и нашли отражение в цикле песен-стихов, известном как «Любовные песни Шестого Далай-ламы» (там же, с. 82).

Существует несколько версий истолкования лирики Цаньян Джамцо, высказываемых такими учеными, как Л.С. Савицкий, П.К. Соронсен, Тх.Д. Норбу и Юй Даоцюань.

Соронсен П.К. приводит некоторые аргументы в пользу политического толкования песен Цаньян Джамцо. Он предполагает, что поэзия Цаньян Джамцо в какой-то степени была средством выражения недовольства молодого перерожденца регентом

² Ваджраяна («алмазная колесница», другие названия — мантраяна, тантраяна, сахаджаяна, буддийский тантризм) — эзотерическое учение в буддизме, занимающее в нем третье место после хиньяны и махаяны. Цель ваджраяны — достичь просветления или обрести природу будды в течение одной человеческой жизни. При этом большое внимание уделяется роли духовного наставника и сложной йогической практике.

Санчжай Чжамцо³, реальным правителем Тибета. Их связывали весьма неоднозначные отношения, вероятно, Цаньян Джамцо испытывал глубокие мучения в общении с циничным и самодовольным регентом. Предположение П.К. Соронсена основано также на том, что песни «шай» по характеру близки лхасским уличным балладам политического содержания (Sorensen, 1990, p. 30).

На религиозно-мистическом толковании поэзии Цаньян Джамцо настаивает Тх.Д. Норбу, который считает, что эта лирическая поэзия «показывает глубокие религиозные эмоции, не являющиеся просто чувственными» (Norbu, 1950, p. 284–285).

Но, по мнению Л.С. Савицкого (Савицкий, 1983, с. 77), переводы Тх.Д. Норбу на английский язык сделаны так, чтобы служить основанием для такого утверждения. (Norbu, 1950, p. 285):

I went to my teacher, with devotion filled,
To learn of the Lord Buddha.
My teacher taught, but what he had escaped;
For my mind was full of compassion,
Full of that Compassionate One who loves me,
She has stolen my mind

Перевод этого же стихотворения, сделанный Юй Даоцюанем, не дает повода видеть в поэзии Цаньян Джамцо «глубокие религиозные эмоции» (Yu Dawchuan, 1930, p. 289):

I went to a holy Lama,
And asked for spiritual advice.
But I was unable to change my mind
So again I drifted to (my) lover's side.

Приведем переводы одной и той же песни Цаньян Джамцо.

Перевод Юй Даоцюаня:

The Lama's face which I tried to meditate upon,
Does not appear in my mind.
The lover's face which I do not meditate upon,
Appears in my mind clear and distinct.

Перевод Норбу:

In meditation I think of my teacher,
I see his face come before me;
But the face is that of my lover.

Таким образом, Тх.Д. Норбу, ставя знак равенства между героем стихотворения и автором, полагает, что религиозность Цаньян Джамцо проявляется в том, что он соединяет в своих чувствах любимую женщину с любимым учителем, наставником в теории и практике религии. И в этом, считает Норбу, можно увидеть существование любви к женщине и любви к учителю, т.е. сильное любовное чувство стирается чувством религиозным. Но Л.С. Савицкий (1983, с. 80) опровергает это предположение, поскольку, по его мнению, тибетский текст говорит лишь о том, что поэт не может заставить себя думать о наставнике, так как всеми мыслями он с любимой (там же, с. 92):

Вспомнить ламы лицо [пытаюсь],
Но в голове не появляется,
Не вспоминаю любимой лицо,
В голове [появляется] четко, четко.

³ Sangs rgyas rgya mtsho.

Тх.Д. Норбу утверждает, что «дальнейший отход от распутного образа жизни» прекрасно иллюстрируют эти два стихотворения (Norbu, p. 289):

1. To say farewell
Is to be sad.
Be not sad, my love
For after every parting
Comes another meeting.
2. What you write with ink, in small black letters,
Can able be lost.
But what is written in your mind,
Is there for eternity.

Л.С. Савицкий полагает, что эти стихотворения не дают ни малейшего основания утверждать, что Цаньян Джамцо расстанется с любимой, чтобы посвятить себя религиозным занятиям. По его мнению, в поэзии Цаньян Джамцо можно найти религиозные эмоции, но отнюдь не «глубокие», как заявляет Тх.Д. Норбу, а те, что должен иметь рядовой буддист, который не может забыть о религии, в особенности о воздаянии за грехи. Но если даже предположить, что в лирике Цаньян Джамцо религиозные мотивы занимают такое или даже большее место, как и любовные, в таком случае это ставит под сомнение наличие в творчестве поэта любовных — светских, мирских мотивов (Савицкий, 1983, с. 98).

Тх.Д. Норбу попытался истолковать любовные чувства и переживания как эмоции, тесно связанные с религиозно-мистической теорией и сексуальной практикой тантрического учения, являющегося для буддистов Махаяны наивысшей и последней стадией в историческом развитии буддизма. Норбу интерпретировал лирику поэта в религиозно-мистическом смысле. Но и жизнь и творчество Цаньян Джамцо опровергают эти утверждения. Его стихи были отражением простой человеческой любви, чувств и переживаний. И именно то, что появление этой поэзии стало прорывом в тибетской литературе, руководствующейся жесткими религиозно-дидактическими рамками, дает повод для неоднозначного толкования творчества и, в каком-то смысле, жизни Далай-ламы VI Цаньян Джамцо (Norbu, 1950, p. 292).

Список литературы

- Востриков А.И.* Тибетская историческая литература. М., 1962.
- Дылыкова В.С.* Тибетская литература. М., 1990.
- Дылыкова В.С.* «Любовные песни» Шестого Далай-ламы // Классическая литература Востока. М., 1972. С. 239–255.
- Дылыкова В.С.* Об одном цикле тибетских «Любовных песен» и их создателе Цаньян Джамцо // Литература и время. М., 1973. С. 40–60.
- Савицкий Л.С.* К проблеме изучения творчества тибетского поэта Цаньян Джамцо (1683–1706) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. 11-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 2. М., 1975. С. 55–75.
- Савицкий Л.С.* Лирическая поэзия Цаньян Джамцо и тибетский фольклор (опыт формального анализа) // 12-я годовичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. Ч. 2. М., 1977. С. 29–47.
- Савицкий Л.С.* Любовная поэзия Цаньян Джамцо (1683–1706) (к критике религиозно-мистического толкования) // 9-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 2. М., 1978. С. 50–89.
- Савицкий Л.С.* Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. М., 1983.
- Norbu Th.J., Turnbull C.M.* Tibet. L., 1950.

Sorensen Per K. Divinity Secularized. An Inquiry into the Nature and Form of the Songs Ascribed to the Sixth Dalai Lama. Wien, 1990.

Yu Dawchuyuan. Love Songs of the Sixth Dalai Lama Tshangs-dbyangs-rgya-mtsho. Peiping, 1930.

Summary

N.M. Katkova

The Poetry of the Sixth Dalai-lama Tshangs-Dbyangs-Rgya-Mtsho and Its Interpretation

By the beginning of the 18th century Tibetan literature consisted of religious-philosophical treatises, historical works devoted to the history of Tibet, works devoted to Buddhism and its spiritual leaders. Such literature ignored human nature, feelings and relations with nature. But in written literature a great attention was paid to “virtue” and “evil” that influenced people’s “salvation” (nirvana). In this religious literature there were no room for secular poetry and prose. That’s why the poetry of the Sixth Dalai-lama Tshangs-dbyangs-rgya-mtsho and his lyrical poems “Love Songs” became so popular in Tibet, especially in Central Tibet.

Folklore has influenced Dalai-lama’s poetry, its form (four lines of 6 syllables) and contents (a system of poetic images). The main question for Tibetologists and other scholars is how to interpret this poetry, its contents and artistic form, in religious-mystical sense. Such an approach to interpretation was proposed by Th.D. Norbu. Per. K. Sorensen has offered a political interpretation. But L.S. Savizkiy refutes these interpretations:

According to its contents, this poetry is lyrical and devoted to emotional experience, often love. This poetry is “autopsychological”, as the narrator’s image coincides with the character’s image one, and both of them are close to Tshangs-dbyangs-rgya-mtsho’s image. But its “autopsychological” sense doesn’t mean it is autobiographical, because only some episodes from the Sixth Dalai-lama’s life are mentioned in his poetry. It is just a reflection of an ordinary love, ordinary feelings and emotions. This fact was the main reason of its popularity among ordinary people.